

О СЮЖЕТЕ, НАЗВАНИИ И КОНТЕКСТАХ ПЕРВОЙ КНИГИ РОМАНА М. ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»

Т. А. Никонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 ноября 2021 г.

Аннотация: в статье рассматривается первая книга романа М. Шолохова «Поднятая целина», написанная в период наибольшей творческой активности автора, в сложных идеологических и политических условиях начала 1930-х годов. Изменившиеся концептуальные подходы к истории русской литературы XX века обнаруживают в канонизированном тексте важный для понимания романа диалог автора со своим временем.

Ключевые слова: М. Шолохов, русская литература, автор, «Поднятая целина», 1930.

Abstract: the article examines the first book of M. Sholokhov's novel "The Raised Virgin Land", written during the period of the author's greatest creative activity, in difficult ideological and political conditions of the early 1930s. The changed conceptual approaches to the history of Russian literature of the twentieth century reveal in the canonized text an important dialogue between the author and his time for understanding the novel.

Keywords: M. Sholokhov, Russian literature, author, "The Raised Virgin Land".

Роман «Поднятая целина», как правило, рассматривался советским литературоведением в русле нормативов метода социалистического реализма. А между тем он может и должен быть рассмотрен в той же системе оценок, что и «Тихий Дон», т.е. как отражение больших исторических событий, пережитых русским человеком в XX веке. Оба шолоховских романа связаны и временем их создания, и общей мыслью: в «Тихом Доне» жизнь донского казачества проходит испытания гражданской войной, в «Поднятой целине» писатель рассматривает уже не *расказачивание*, а *раскрестьянивание*, пережитое столь же тяжело, как и гражданская война.

Однако такую глубинную, содержательную связь романов если и отмечали, то как-то вскользь, по разным причинам акцентируя внимание на различии текстов. Несходством романов шолоховские хулители доказывали оскорбительный факт заимствований в «Тихом Доне», советские же исследователи, в свою очередь, первой частью нового романа демонстрировали идеологическую безупречность авторской позиции, даже противоречия текста объявляя нормативами «романа о коллективизации». А между тем именно в ней таятся важные особенности шолоховской позиции. К числу таковых в первой книге «Поднятой целины» можно отнести формализованную «детективную» составляющую ее сюжета, устойчивое нелюбопытство гремяченцев к тому, что происходит в курене Якова Лукича Островнова. По законам жанра, легко завоевывает доверие казаков питерский слесарь Давыдов, «по виду служащий, говорящий на жесткое российское "г"» [5, 18], хотя сначала объявленная им

цель приезда — организация колхоза — вызвала настороженность. Враждебная деятельность казацкого есаула Половцева, прерванная статьей Сталина «Головокружение от успехов», обрывает предполагаемое развитие «вредительского» сюжета.

Однако роман трудно давался автору «раззлосчастной "Целины"», как не без раздражения охарактеризовал его М. Шолохов в письме к Е. Г. Левицкой [6, 789]. Такое авторское определение, несомненно, возникло из внутренних трудностей, оттого, что создавался новый роман «впережку» с третьей книгой «Тихого Дона», публикация которой сопровождалась немалыми сложностями, преодолеть которые оказалось возможным лишь после обращения М. Горького к Сталину [См. об этом: 2, 149; 6, 67 и далее].

Трудности цензурного характера, которые должен был преодолеть М. Шолохов, сегодня подтверждены целым рядом документальных свидетельств. Однако писатель должен был их учитывать, так сказать, «на марше» и не только по соображениям цензурного порядка. События двух романов разделяло невероятное десятилетие, изменившее страну, героев, существенно поменявшее мотивацию их участия в исторических событиях. В этом было главное внутреннее противоречие, о нем писал М. Шолохов в ноябре 1931 года в упомянутом письме к Левицкой: «...все они [герои] какие-то непохожие друг на друга, потрясающе разные... Тут и повстанцы, и колхозники, и белобандиты, и пр.» [Цит по: 6, 789].

Таким образом, текст первой книги «Поднятой целины», не порвавшей внутренних связей с «Тихим Доном», нес в себе память незаконченного главного романа, его глубинные идеи. И это не могло не сказаться на романе о коллективизации.

Рассматривая первую часть романа «Поднятая целина», нельзя не отметить выдвинутой на первый план почти журналистской злободневности начинающегося сюжета. Основное направление его развития задано разговором секретаря райкома Корчжинского с двадцатипятилетним Давыдовым, направляемым в Гремячий Лог «в качестве уполномоченного райкома проводить сплошную коллективизацию» [5, 12]. Сегодня само слово «двадцатипятилетник» требует комментариев, а для читателей журнальной версии романа оно активно вошло в жизнь из газет, из практики колхозного строительства.

В ноябре 1929 года на пленуме ЦК ВКП было принято постановление «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства» [3]. Результатом был выезд в колхозы и машинно-тракторные станции уже в январе 1930 года 25 тысяч передовых городских рабочих для «руководства созданными колхозами и совхозами». Напомним, что действие первой книги «Поднятой целины» начинается в конце января 1930 года.

В разговоре секретаря райкома и Давыдова интересно отметить важный смысловой момент «колхозного» сюжета начала 1930-х годов: противостояние «генеральной линии», «левой» и «правой» оппозиций во взглядах на темпы коллективизации. Корни такого противостояния, как и его фигуранты, не в Гремячем Логу, а в Москве, в спорах высших партийных кругов, но именно они определяют дела и поступки людей, находящихся далеко от Москвы. Так, Корчжинский, давая установку на «сплошную коллективизацию», уточняет: создавать колхоз надо «на базе осторожного ущемления кулачества». Его слова вызывают несогласие Давыдова, усмотревшего в них расхождение с речью Сталина на конференции аграрников-марксистов «К вопросам аграрной политики в СССР» (опубликована 29 декабря 1929 года) [4].

Прямой цитатой из речи вождя Давыдов обозначает свою позицию в споре: «Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс» [5, 13]. Выйдя из райкома, он продолжает «партийный» спор с Корчжинским, заключая, что тот хромает «на правую ножку» (т.е. является сторонником правой оппозиции). Заметим, что у Давыдова нет сомнений ни в правоте сталинского тезиса, ни своего отношения к секретарю райкома и его распоряжениям: «Я буду проводить линию партии, а тебе, товарищ, рубану напрямик, по-рабочему: твоя линия ошибочная, политически неправильная, факт!» [5, 14].

Эта позиция Давыдова, «по-рабочему» разрешавшего идеологические конфликты, как правило, и приводилась исследователями в доказательство его идеологической зоркости, однако следует отметить, что совсем скоро двадцатипятилетник не без растерянности отреагирует на новую статью тов. Сталина.

Статья «Головокружение от успехов» была опубликована 2 марта 1930 года, в преддверии нового сельскохозяйственного года. Ее включение в событийную ткань романа обострило развитие обоих сюжетов — сюжета колхозного строительства и «вредительского» сюжета. Новая сталинская статья стала кульминационным моментом не только во внешнем, «колхозном» сюжете романа, но в том глубинном, который включал «Поднятую целину» в проблематику «Тихого Дона». Политическое, «газетное» противостояние партийных функционеров переводилось в плоскость жизненно важных решений каждого из гремяченцев.

Надо сказать, что такой поворот сюжета был рискованным и для самого писателя. Нетрудно заметить, что герои романа довольно точно прочитали желание вождя переложить вину за «перегибы» на местные власти: «...почти везде при появлении Нагульнова или Давыдова почему-то торопливо передавали газету [со статьей] из рук в руки, пока она, белой птицей облетев толпу, не исчезала в чьенибудь широченном кармане» [5, 220]. Так же восприняли статью и старые казаки, отказываясь вступить в «Союз освобождения родного Дона».

Следует сказать и о названии романа. Как известно, первоначальное название, предложенное автором, не отличалось благозвучием и было нескрываемо драматичным — «С кровью и потом». По просьбе журнала-публикатора, как позже, спустя немало лет, расскажет М. Шолохов, название было заменено. Любопытно, что в поисках нужного названия писатель «обратился за советом к товарищам в райком. Было выдвинуто несколько вариантов, в том числе «Поднятая целина». Эти два слова были взяты из текста книги» [См. коммент. к роману: 5, с. 365].

Однако в тексте романа нелегко найти указанное автором словосочетание, зато его можно обнаружить в той самой речи вождя на конференции аграрников-марксистов, на которую ссылался Давыдов в споре с Корчжинским. Приводя положительные примеры коллективизации, И. Сталин сослался на пример хозяйств «в районе Хопра в бывшей Донской области», т.е. в местах действия романа. Вождь рассказал, что крестьяне, «сложив свои орудия и объединившись в колхозы», значительно увеличили посевные площади, достигли «головокружительного» эффекта: «получили возможность обработать трудно обрабатываемые в условиях индивидуального труда заброшенные земли и целину. <...> крестьяне получили возможность взять целину в свои руки» [4. Курсив здесь и далее в цитатах наш. — Т. Н.].

В шолоховском романе *целина* — земля «за Рачьим прудом», «крепь», ранее не использовавшаяся для посева. Именно эти земли стали нарезать единоличникам, выходящим из колхоза после статьи «Головокружение от успехов». И потому так естествен-

на их реакция: «Не желаем крепь!», «Что же вы нас жизни решаете?» [5, 235].

На справедливую догадку Давыдова, предполагающего, что такое решение проблемы — путь к новому «головокружению от успехов», член бюро райкома, уже не Корчжинский, дает исчерпывающее для исполнителя воли партии разъяснение: «Это не твоя старость-печаль... И потом это не наша установа, а окружка, и мы как солдаты революции обязаны ей беспрекословно подчиниться... Скот держи зубами и руками. Не выполнишь посевной план — голову оторвем!» [5, 232–233].

Так роман свидетельствовал, что статья Сталина была адресована доверчивым станинникам, а совсем не организаторам колхозной жизни. Им она тоже посылала свои сигналы, но иные. И о них скажет партийный чиновник Давыдову: «За перегибы придется, братишка, расплачиваться, *принести кое-кого в жертву*... Таков уж порядок ... А сейчас знаешь, какая установка? Карать вплоть до исключения из партии!» [5, с. 233]. Не потому ли так незаметно и легко будет восстановлен в партии «перегибщик» Макар Нагульнов, что не увидела партия больших ошибок в его поведении?

Как видим, написанная в короткие сроки, по жестким идеологическим прописям, в чем до сих пор обвиняют М. Шолохова, первая часть романа «Поднятая целина» с возможной объективностью включала факты истории коллективизации в художественный текст. В том числе и разные по содержанию статьи И. В. Сталина, от прямых ссылок на которые автор не уклонился в политизированной части сюжета «Поднятой целины».

Однако вернемся к мысли о том, что роман о коллективизации несет на себе печать глубинных смыслов «Тихого Дона», что писатель видел своих «потрясающе разных» героев в едином пространстве национальной истории.

Есаул Половцев, создавая «Союз освобождения родного Дона», обращаясь к «господам казакам», формулировал его программную цель в категориях гражданской войны: «...до последней капли крови всеми силами и средствами сражаться по приказу моих начальников с коммунистами-большевиками, заклятыми врагами христианской веры и угнетателями русского народа» [5, 28].

На собрании гремяченской бедноты Давыдов, впервые выступивший в новой для себя роли председателя колхоза, ставил перед слушателями совсем иные задачи: «Вы должны все соединиться в колхоз, обобществить землю, весь свой инструмент и скот. А зачем в колхоз? Затем, что *жить* так дальше, ну, *невозможно же!*» [5, 28].

Эти программы обозначили радикальное несоответствие целей, предлагаемых слушателям. Программа Половцева обещала смертельный исход, Давыдов, не отрицая трудностей пути, говорил о необходимо-

сти жизни, значит — о будущем. Его мысль поддержал красный партизан Павел Любишкин: «Я сам до колхозного переворота думал Калинин письмо написать, чтобы помогли *хлеборобам* начинать какую-то *новую жизнь*» [5, 31].

Весенний сев, зов земли возвращали к *жизни*, уводили от той борьбы, к которой звал Половцев. Эта важная для хлебороба мотивация радикально трансформирует финал сюжета исключения из партии Макара Нагульнова.

Сцена заседания в райкоме партии написана в полном согласии с законом жанра и с темпераментом борца за мировую революцию. В этой же стилистике и решение Нагульнова, принятое им на обратном пути в Гремячий Лог: «Приеду домой, попрощаюсь с Андреем и Давыдовым, надену шинель, в какой пришел с польского фронта, и застрелюсь. Больше мне нету в жизни привязы! А революция от этого не пострадает» [5, 292].

Но совершенно иные чувства овладели Макаром, на Смертном кургане оплакивавшем свое исключение, когда он внезапно увидел пашни, «немо» простиравшие «к небу свои дымящиеся паром, необсеменные ланы...». «Припозднились! Загубим землю! — думал Макар, с щемящей жалостью оглядывая черные, страшные в своей наготе, необработанные пашни. — День-два — и пропала зябь. <...> И животины всякая, и дерево, и земля вокруг знают, когда им надо обсеменяться, а люди... а мы — хуже и грязней самой паскудной животины!» [5, 294].

Естественное для хлебороба переживание перечеркнуло картины театрализованного ухода из жизни, прежние декларации борца с частной собственностью. Поспешное возвращение Макара в Гремячий Лог, его решительные действия завершают сцены «бабьего бунта», который тоже выполнил свою важную содержательную роль. То, что в текстах других авторов, как правило, окрашивалось в тона классово-борьбы, усиливавшейся в деревне с развитием коллективизации (вспомним мифологизированного Павлика Морозова и его свирепого кулака-отца), в «Поднятой целине» завершает «громовитый, облегчающий хохот» в сцене общего собрания. Как и в «Тихом Доне», смех переводит конфликтную ситуацию из политически злободневной в бытийность народной жизни. Общий итог в сцене собрания в Гремячем Логу подводит чей-то «теплый и веселый басок», произносящий самые важные для всех слова: «*Народ тут волнуется*... и глаза некуда девать, совесть зазревает... И бабочки сумянутся... А ить *нам вместе жить*... Давай, Давыдов, так: кто старое помянет — тому глаз вон! А?» [5, 302].

«Народ ... волнуется» о главном — о будущей жизни с новой властью. М. Шолохова можно обвинить в этой сцене в том, что он подменил политическую сторону проблемы вынужденным соглашением гремяченцев с «любушкой Давыдовым».

Можно так же усомниться в искренности миролюбия Давыдова, завершающего сцену стихийного протеста своим примирительным жестом. Когда на следующий день Любишкин «предложил было оставить охрану около амбаров <...> Давыдов усмехнулся:

— Теперь, по-моему, не надо...» [5, 303].

Для М. Шолохова, да и для всех казаков хутора финалом «бабьего бунта» стал обозначенный самым «теплым» баском смысл: «...нам *вместе жить*...». А совместная жизнь без взаимных уступок и понимания невозможна.

Разумеется, сталинская статья не стала победой организаторов колхоза.

В широком смысле она «работала» на внутренний «сюжет», имевший отношение не только к конкретной романной коллизии. Шолоховский текст, воспринятый не как советская агитка, а как роман, соотнесенный с масштабом «Тихого Дона», позволяет увидеть в традиционном советском сюжете не замечаемые ранее составляющие.

Роман нес в себе сомнения в стратегически важном советском мифе о прямой связи вождя с народом, архаическом и патерналистском по форме. К нему же по сути апеллировал и Половцев, призывая «сражаться по приказу моих начальников с коммунистами-большевиками». Однако «господа-казаки» глобальной задаче противопоставили вполне конкретный выбор: «Раз сам хозяин стал нам в защиту, то чего же нам на сторону лезть? ...Мы не супротив Советской власти, а против своих хуторских беспорядков...» [5, 216]. Для них это не только хозяйственное решение.

Во всех работах об образцовом романе социалистического реализма, как правило, за скобки выносилась патриотическая составляющая позиции «господ-казаков» из Гремячего Лога — еще один неуничтожаемый след «Тихого Дона». Почувствовав, что Сталин «этих местных коммунистов ...кроет по-чем зря», старые казаки отказываются помогать будущей иностранной интервенции: «Коммунисты — они нашего рода, сказать, свои, природные» [5, 216]. «Союзников» же, помощь которых обещал Половцев, они оценивают, исходя из опыта гражданской войны. «Я побывал в двадцатом году за границей, покушал французского хлеба на Галиполях и не чаял оттого ноги притянуть! Дюже уж хлеб их горьковатый!» [5, 217], — заключает один из казаков.

Столь прямо и четко сформулированную патриотическую идею нельзя признать широко распространенной даже в советской литературе 1920-х годов. В 1930-е же годы она стала практически невозможной. Однако реальность такого заключения шолоховских казаков-хлеборобов неожиданно подтверждается полемическим утверждением Н. А. Бердяева, опровергающего тезис о единомыслии русского зарубежья. «Во мне вызывает сильное противление то, что для русской эмиграции главный вопрос есть вопрос об отношении к советской

власти. Между тем как я считаю главным вопросом вопрос об отношении к русскому народу, к советскому народу, к революции как внутреннему моменту в судьбе русского народа», — писал он в последние годы жизни [1, 340].

Шолоховские «господа-казаки» в первом томе романа М. Шолохова в «бердяевском» смысле отреагировали на мысль Половцева о помощи из-за границы: «Нет уж, мы тут со своей властью как-нибудь сами помиримся, а сор из куреня нечего таскать...» [5, 217].

Отношение к русской истории, «к революции как внутреннему моменту в судьбе русского народа» (Бердяев) можно видеть не только в эпизоде с неудавшейся попыткой Половцева организовать «Союз освобождения родного Дона». У каждого из героев романа, вступающего в колхоз или сопротивляющегося этому, своя мотивация, уходящая корнями в прошлое. Вспомнил о своем участии в гражданской войне Павел Любишкин. Своя память у «идейного» середняка Кондрата Майданникова. В одну из бессонных ночей он вспоминает слова покойной матери: «Не кричи, милушка Кондрат, не гневай бога. Бедные люди по всему белому свету и так каждый день плачут, жалуется богу на свою нужду, на богатых, какие все богатство себе забрали. А бог бедным терпеть велел» [5, 141].

Герой, прошедший такую школу смирения, и в колхоз идет, сознавая, что легкой жизни не будет. Тональность выступления Майданникова на общем собрании, мотивирующего необходимость создания колхоза, не совпадает с его ночными думами. «В еповской лавке товару нету, а Христишка босая. Хучь кричи — надо ей чиричонки бы! Совесть зазревает спрашивать у Давыдова... Нет, нехай уж эту зиму перезимует на пече, а к лету они ей не нужны» [5, 143].

Как видим, у героя вполне реалистические представления о жизни в колхозе, существенно не совпадающие с официальными декларациями [см. об этом в декабрьском выступлении Сталина: 4]. Не лишена драматизма и фигура Якова Лукича Островнова, больше других наделенного автором аналитическими способностями. Показательно, что именно он «избран» Шолоховым на роль «умного врага». В конце первой части романа Лукич сокрушенно думает об успехе колхозного дела, о нравственных деформациях в поведении хуторян: «Сила солому ломит, куда же против силы попрешь? А ишо народ проклятый, вредный пошел... Один про одного доказывают да всякие доносы делают. Лишь бы ему, сукиному сыну, жить, а там хучь в поле и полын-травушка не расти. Скудные времена!» [5, 346]

Как это свойственно шолоховскому художественному миру, драматизм ситуаций часто скрывается за комическим действием (содержательны в этом плане сцены с участием деда Шукаря), общим облегчающим смехом. И едва ли следует расценивать такие

сцены как сюжетные отвлечения, если иметь в виду их частотность, особенно заметную во второй части романа. Потому не только забавно звучит в сцене собрания, последовавшего за «бабьим бунтом», «отказная» речь Мишки Игнатенка «из передних рядов»:

«– Я за свою матью не ответчик! Она сама имеет голос гражданства, пуцай она и отвечает!» [5, 301]. Внутренний смысл этой ситуации, внятной читателю 1930-х годов, смягчен нежеланием Давыдова мстить «временно заблуждённым» «качающимся середнякам». И тем не менее почти пародийное использование газетных штампов, диалектизм не отменяет встающих за этим эпизодом совсем не комедийных смыслов.

Коллективизация в романе «Поднятая целина» воспринята автором и его героями как неизбежность, как война и революция в «Тихом Доне», как испытание, которое народу надо перенести и продолжать *жить на родной земле*. Считать М. Шолохова послушным исполнителем державного заказа не приходится. Он видел сильные и слабые стороны в своих героях-современниках, возможно, не всегда одобрял их поступки, однако точно осознавал глу-

бинные мотивы тех решений, которые принимали его герои. Доверие к ним, к их выбору — фундаментальная идея шолоховского мира, питающая его творчество, согревавшая его размышления о судьбе России в войнах и революциях XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991. – 448 с.
2. Прийма К. И. С веком наравне / К. И. Прийма. – Ростов н/ Д : кн. из-во, 1986 – 236 с.
3. «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства». – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
4. Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР / И. В. Сталин. – 27 декабря 1929 года. – Режим доступа: // <https://istmat.info/node/20180>
5. Шолохов М. А. Собр. соч. в 9 т. / М. А. Шолохов. – Т. 6. – Поднятая целина. Книга первая. М. : Художественная литература, 1966. – 368 с.
6. Шолохов М. А. Письма / М. А. Шолохов. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – 480 с.
7. Шолохов М. А. Тихий Дон. Научное издание / М. А. Шолохов. – В 2 т. – Т. 2. – М. : ИМЛИ РАН, 2017. – 864 с.

Воронежский государственный университет

Никонова Т. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI вв., теории литературы и гуманитарных наук.

E-mail: tam-nikonova@yandex.ru

Voronezh State University

Nikonova T. A., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Literature of the XX and XXI c, Theory of Literature and theories of literature and humanities

E-mail: tam-nikonova@yandex.ru